

Прошак Людмила Валерьевна

ВОЙНА КАК АКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ И ИНИЦИАЦИЯ МЕДИААКТОРА

Статья раскрывает понятие "война как со-бытие и событие масс-медиа". Особое внимание в работе автор концентрирует на том, что чем выше нравственные ценности медиаактора как человека, как личности, тем глубже происходит его погруженность в реальность (конкретные поля), которая в свою очередь формирует (перестраивает) систему нравственных ценностей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. VI. С. 167-170. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

иллюстративный являлся экономичным по времени. В отличие от него при поисково-плановом методе основное внимание уделялось развитию мыслительной деятельности учеников (эвристическая беседа, лабораторный метод). Увеличение в учебном курсе доли лабораторно-практических занятий, экскурсий расширяло возможности развития творческих способностей учеников. Все больше внимания учителя обращали на развитие логического мышления учащихся.

В целом коммерческие учебные заведения в составе коммерческих училищ, торговых школ и классов являлись частью общероссийской школьной системы и реально отражали процесс развития народного образования в России в конце XIX - начале XX в. Но, обобщая развитие профессионального коммерческого образования в Сибири, следует выделить особенные черты:

- запоздалость начала формирования в сравнении с Европейской Россией;
- инициаторами создания учебных заведений являлись профессиональные объединения приказчиков, общества взаимного кредита, распространения коммерческого образования, отдельные представители купечества;
- коммерческое образование шло по линии усиления преподавания общеобразовательных предметов за счет сокращения специальных дисциплин;
- основная цель учебных заведений заключалась в том, чтобы поднять образовательный уровень купечества (многочисленной категории населения в Сибири) для успешной торговли на восточных окраинах России и в прилегающих к России азиатских государствах;
- многочисленные источники содержания учебных заведений обеспечивали их финансовую устойчивость, способствовали формированию материально-технической базы;
- коммерческие училища шли по пути развития демократических начал во внутренней жизни. Элементами демократизации стали: расширение прав и обязанностей педагогических комитетов, укрепление связи с общественностью, создание школьных комиссий, делавших реальностью автономию коммерческих учебных заведений.

Список литературы

1. Григорьев С. С. Коммерческое образование в России и его нужды // Русское экономическое обозрение. М., 1898. № 9. 156 с.
2. Зенченко Н. С. Коммерческие училища как общеобразовательная школа России начала XX в. М.: Издательство АН, 1953. 190 с.
3. Чехов Н. В. Типы русской школы в историческом развитии. М.: Издательство Товарищества «Мир», 1923. 162 с.
4. Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири 1703-1917 гг. Новониколаевск: Сибирское областное государственное издательство, 1923. 217 с.

COMMERCIAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS FORMATION WITHIN SIBERIA AT THE END OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Igor' Mikhailovich Popruga

*Department of Life Safety and Adaptive Physical Education
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'ev
marisha1980@list.ru*

The author reveals the history of commercial educational institutions formation within Siberia, shows that their origin and development were caused by the needs of new economic and social life, pays special attention to the study of the experience of commercial educational system organization within Siberian territory, demonstrates that they represented ordinary educational institutions with seven- or eight-year course and took the position between non-classical secondary schools and grammar schools in Russian educational system and mentions that commercial institutions were among the most advanced types of secondary schools of their period.

Key words and phrases: commercial education; commerce; commercial schools; trade schools; trade classes; commercial courses.

УДК 115

Статья раскрывает понятие «война как со-бытие и событие масс-медиа». Особое внимание в работе автор концентрирует на том, что чем выше нравственные ценности медиаактора как человека, как личности, тем глубже происходит его погруженность в реальность (конкретные поля), которая в свою очередь формирует (переформирует) систему нравственных ценностей.

Ключевые слова и фразы: война; событие масс-медиа; ценностная доминанта; медиаактор.

Людмила Валерьевна Прошак, к.и.н.
*Медиакомпания «Gameland», г. Москва
proshak@glc.ru*

ВОЙНА КАК АКТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ И ИНИЦИАЦИЯ МЕДИААКТОРА[©]

Пожалуй, события войны как ни одна другая чрезвычайная ситуация неотделимы от со-бытия, актуализированного социальными практиками. Само понятие «война» (в ряду понятий «горячая точка», «военный

конфликт», «вооруженный конфликт», «антитеррористическая операция») интегрировано в современную жизнь российского общества, делая дихотомическое противостояние «война-мир» все более размытым.

Если поколение родившихся в шестидесятых-семидесятых было со-бытийно связано с войной в Афганистане, то поколение восьмидесятых-девяностых — с «горячими точками» бывшего СССР. Война присутствует в обыденной жизни, например, каждого молодого жителя Кавказа (кто родился в первую чеченскую войну в 1995 году, вырос и возмужал за время второй чеченской) в виде образов, содержание которых обусловлено не столько предметностью самого феномена «война», сколько особенностями восприятия общественного и индивидуального сознаний, осложненных идеологическими, религиозными, этническими, этическими, профессиональными аспектами. Не учитывать это невозможно.

Наиболее серьезным философским подходом к коренным проблемам войны остается работа К. Клаузевица «О войне» [5]. Его «теория абсолютной войны» (определение К. Клаузевица) вскрывает диалектику войны, выявляет основные законы и принципы реализации ее процессов, дает уже ставшей классической «формулу войны» («война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами» [Там же, с. 109]), но применительно к теме исследования наибольший интерес представляет другое определение войны, данное К. Клаузевицем: «Война есть акт человеческого общения... Война... относится к области общественной жизни. Война есть столкновение значительных интересов, которое разрешается кровопролитием, — и только этим она отличается от других общественных конфликтов» [Там же, с. 144].

Именно с войной как актом человеческого общения и сталкивается журналист (медиаактор I ступени), работая в «горячей точке».

Центральным моментом вхождения медиаактора в чрезвычайную ситуацию является инициация в том смысле, в котором ее подразумевает Ж. Бодрийяр: поворотный момент социального сцепления, та темная камера, где рождение и смерть перестают быть крайними членами жизни и реинволюционируют друг в друга — не для какого-либо мистического слияния, а затем, чтобы, например, сделать из посвящаемого подлинно социальное существо [2, с. 243].

Вторая чеченская на исходе. Идут выборы. Телевизионщики независимой телекомпании получили редакционное задание — добыть сюжет о сопротивлении боевиков. А вокруг все тихо, без единого выстрела. Выручил чеченец, вызвавшийся быть у них шофером: за триста долларов договорился с нужным человеком. На рассвете телевизионщики подъехали к месту, где базировался отряд спецназа. Из ворот вышел небритый, хмурый спросонок боец, лениво сунул баксы в карман, выпустил короткую очередь в предрассветное небо и со словами «Мы не сдадимся!» удалился досыпать... Сюжет вышел в эфир, коллеги откровенно завидовали, а герои дня подкармливали долларами своего шофера, чтобы помалкивал.

Можно и иначе: были корреспонденты, прилетавшие в Грозный на часок, и, покрасовавшись в кадре на легендарной площади Минутка, улетающие восвояси, «устав» от ужасов войны. Об этой категории наиболее точно выразился Н. Булгарин: «Я всегда удивлялся и удивляюсь храбрости тех писателей, которые, не выдав даже издала сражения, описывают битвы и еще рассуждают о военных действиях!» [3, с. 328].

Обратимся к статистике, которая как нельзя лучше объясняет причины, порождающие приведенные выше примеры из двух категорий медиапрактик.

В первую чеченскую компанию в России так называемая «чеченская тематика занимала в программе НТВ от 10 до 18 минут на информационный выпуск, в «Вестях» (информационная программа российского телевидения) от 3 до 7 минут. Причем, у НТВ до 80% всех видеосъемок непосредственно боевых действий велись со стороны чеченских боевиков или использовались съемки, снятые со стороны сепаратистов. Анализ публикаций таких газет как «Московский комсомолец» и «Известия» выявил следующее: лишь в одной из четырех статей упоминалась или раскрывалась точка зрения на происходящие события федерального командования. Три же из четырех публикаций носили или же откровенно прочеченский характер, героизируя боевиков, преувеличивая их возможности, или же жестоко критиковали армию и ее действия в Чечне» [10].

Это обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, если в США, Англии, Франции и еще десятке стран существует строжайший законодательный запрет на использование любых кино-, фото-, видео- и печатных материалов, снятых или написанных на стороне тех, кто ведет боевые действия против армий этих стран, и даже просто имеющих сочувственные «врагам» интонации или же идеи», то иначе дело обстоит с российскими СМИ. Во-вторых, стрингер руководствуется принципом фронтовых корреспондентов «жив ты или помер — главное, чтоб в номер материал успел ты передать» [8, с. 78], правда, со времен Великой Отечественной войны изменилось главное, а именно: ценностная установка задавлена конвенционной задачей — если информацию не дают федералы, то ее можно и нужно взять у боевиков, которые легко идут на контакт.

Чем обернулась проигранная информационная война в первой чеченской все уже знают — второй чеченской антитеррористической компанией, аккредитацию на которую журналистам уже раздавали без особых сложностей в администрации Президента России. Дело не в особой предвзятости и непатриотичности журналистов, а в профессиональных требованиях — информацию надо добыть любым способом.

Поэтому автор исследования склонен считать стрингерство особого рода специализацией, которая включает не только фрилансеров, как принято считать на западе, но и военных, специальных корреспондентов всех видов масс-медиа, работающих в «горячих точках».

«Этой профессии как будто нет. А люди, которые ею занимаются, — вне закона. Их тоже как бы ни существует. Их обвиняют в продажности и безмерном цинизме и называют “стрингерами” — словом не нашим, означающим “стрелок” или “вольный охотник”. А то, чем они занимаются, окутано романтическим,

героическим ореолом. Меж тем стрингерство – это войны, землетрясения, массовые беспорядки... А стрингер – человек над событием, глаза и уши общества. Именно стрингеры показывают войну такой, какая она есть, – со всеми ужасами. Именно их кадры и снимки больше других вызывают отвращение к войне. Благодаря стрингерам все скрытое становится явным, а тайна Чернобыля продержалась всего два дня. Они снимают под пулями, им разбивают камеры, их избивают и арестовывают. И называют “волками-одиночками”, которые не могут жить без войны» [6].

Таким выглядит стрингер с точки зрения «гражданского» журналиста. Попробуем посмотреть на эту профессию глазами не только исследователя, но и человека, побывавшего в двух десятках «горячих точек», а также природных, техногенных и синергетических катастроф.

Во время второй чеченской войны фронтовой репортер взял с собой в командировку 22-летнего стажера. Но, не рискуя окунуть его в боевую обстановку, оставил на перевалочной базе в Моздоке, где военнослужащие ждали самолета на «большую землю». Стажер так и не увидел войны, но этих рассказов ему хватило для того, чтобы, вернувшись в Москву, написать: «На войне быстро привыкаешь к виду оторванных голов».

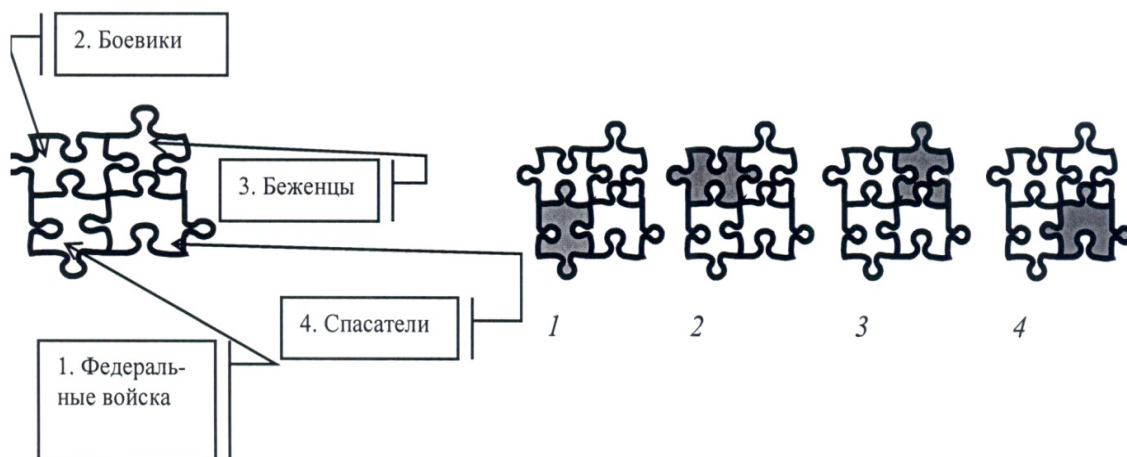
Второй журналист взял с собой 15-летнего сына. Они жили на той же базе в Моздоке. Но они вместе со спасателями Центроспаса побывали не только в Грозном, но и в окрестных больницах, детских приютах и домах престарелых. И когда журналист показал на разбитые «сушки» на краю аэродрома и въезжающих на бэтээре солдат со словами: «Смотри, это война, сынок», мальчик ответил: «Нет, это не война. Война – это те старики и дети».

Суть даже не в том, что у этих двух стажеров были разные морально-этические установки, суть в том, что они видели разные образы одной и той же катастрофы и соответственно по-разному ее виртуализировали в своих материалах. Обе статьи с небольшим разрывом во времени были опубликованы в одном и том же приложении АиФ «Я молодой» [1]. Таким образом, читателя никто не лишил выбора. Ему пришлось, как и авторам, сделать свой выбор, какой из виртуальных образов катастрофы ему ближе.

Все это – погруженность в разные реальности (поля). Война все та же – также бомбят, также ложатся снаряды в артобстрел, также гибнут люди, также беспомощны старики и дети, но взгляд на все это из окопа отличается и от взгляда из лагерной палатки беженцев, и из операционной палатки развернутого центра спасателей. И сам стрингер в этой войне на каждой из этих трех позиций уязвим по-разному. Он воюет, страдает или спасает в той степени, в какой он погружен в ту или иную реальность.

Рисунок 1.

Модель адаптивного поведения стрингера (на примере чеченской компании)

Стрингер в палатке с солдатами, в окопах, на броне, чтобы быть поближе к линии фронта – это позиция воюющего человека. Стрингер в лагере беженцев – это позиция пострадавшего или сострадающего человека. В госпитале медицины катастроф, в спасательной операции вместе с профессиональными спасателями – это позиция спасающего человека.

Таким образом, степень адаптации (деформации) медиаактора (стрингера) зависит от степени его погруженности в окружающую реальность. Чем выше нравственные ценности медиаактора как человека, как личности, тем глубже происходит его погруженность в реальность (конкретные поля), которая в свою очередь формирует (переформирует) систему нравственных ценностей (например, на войне не бывает атеистов).

Пределы интерпретативной компетентности. Система масс-медиа не существует без свода правил социальных взаимодействий. С одной стороны, правила относятся к производству значений. А с другой, – к санкционированию способов профессионального поведения медиаакторов. В этом дуальность правил. Они несут и процедурный, и запретительный характер.

Москва. 1998-й. Взорванный дом на Гурьянова. В завале слоями, поэтажно лежали взрослые и дети. Черные мешки закончились, и один из спасателей пошел за ними. Он нес в охапке черную, отливающую глянцем

гору, когда шелкнул затвор фотоаппарата. «Не снимай!» – приказал спасатель. Подобравшийся к нему вплотную фотокор, очень представительный мужчина, возмутился: «Почему?! Пусть люди знают...». А в проеме уже несуществующей двери, присев на корточки, плакал навзрыд курсант. Академию МЧС сняли с занятий и бросили на разборку завала, чтобы привыкали... [7, с. 218].

Кто вел себя в этой ситуации профессионально – фотокор или курсант? На первый взгляд, конечно же, журналист. Он правдами и неправдами пробрался за оцепление. Остановленное им мгновение, безусловно, было правдиво. И, возможно, сам снимок был выполнен профессионально безукоризненно: и композиция кадра, и освещение, и цветовое решение – все заслуживало того, чтобы фотография стала достоянием первой полосы. А курсант вел себя потрясающе непрофессионально. Вместо того чтобы помогать разбирать завал, он плакал. Потому что нельзя привыкнуть к человеческому горю, к несправедливости, нельзя! Без боли, без жалости, без со-участия нет ни спасателя, ни журналиста. Потому что каждый из нас, во-первых, – человек, и только во-вторых – профессионал.

Безусловно, с точки зрения теории риска безопасная информация должна быть достоверной (А. И. Алексеев и др.). Но проблема в том, что достоверная информация тоже может быть информационно и социально опасной. Достоверное изложение подробностей бесчеловечного преступления (теракт именно таков) со смакованием подробностей может обернуться еще большим злом, чем изложение факта (социального артефакта) в интерпретации.

В научной литературе, преимущественно посвященной исследованию влияния образования на социокультурные реалии, активно разрабатывается понятие «интерпретативная компетентность» [9, с. 20]. Последняя проявляется как способность человека (применительно к теме исследования – медиаактора) осмысливать проблемы (в первую очередь информационно-духовные) в широком контексте развития общества и конкретной личности, способность выбрать один из возможных вариантов собственной линии поведения. В рамках андрагогической парадигмы образования медиаакторы вполне укладываются в структуру этого понятия. Другое дело – насколько ключевые компетентности соответствуют сверхзадачам, и каковы, в конце концов, эти сверхзадачи в контексте конвенционной роли масс-медиа.

Масс-медиа, выступая как нечто «внешнее» по отношению к медиаакторам, в то же время служат источником ограничения их свободы, что дает возможность вести речь о дуализме взаимодействий медиаактора и масс-медиа. Это при условии, если рассматривать последние не как модель, а как «точку пересечения наличия и отсутствия» [4, с. 58].

Масс-медиа основываются на поверхностных явлениях, точнее – на воспроизводимых ими ситуативных практиках, структуральные свойства которых позволяют фиксировать направление поведения компетентных медиаакторов.

Гиперболизация случившегося, нагнетание обстановки; оперативность в ущерб аналитичности и достоверности; состояние нравственности представляют собой триаду, в которой нравственность (ценностная доминанта) занимает ведущую позицию, более того, именно она во многом определяет наличие остальных факторов.

Список литературы

1. **АиФ.** «Я молодой». 2001. № 39, 41.
2. **Бодрийяр Ж.** Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.
3. **Булгарин Ф.** Воспоминания. М.: Захаров, 2001.
4. **Гидденс Э.** Устройство общества. М., 2005.
5. **Клаузевиц К.** О войне. М. - СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. 1.
6. **Новая газета.** 2002. 27 июня.
7. **Прошак Л. В.** Спасатели. М., 2002.
8. **Симонов К. М.** Корреспондентская застольная // Симонов К. М. Стихотворения. Поэмы. М.: Правда, 1982.
9. **Соколовская Е. А., Сухобская Г. С., Шадрин Т. В.** Интерпретативная компетентность андрагога // Теоретические проблемы постдипломного образования специалистов. СПб.: ИОВ РАО, 2003.
10. **Шурыгин В.** Война, которую они проиграли // Завтра. 1996. 9 сентября.

WAR AS HUMAN COMMUNICATION ACT AND MEDIA-ACTOR INITIATION

Lyudmila Valer'evna Proshak, Ph. D. in History
Media Company «Gameland», Moscow
proshak@glc.ru

The author reveals the notion “war as co-existence and mass media event” and pays special attention to the fact that the higher the moral values of a media-actor as a person and as an individual are, the deeper is his immersion into reality (concrete fields), which in its turn forms (reforms) moral values system.

Key words and phrases: war; mass media event; value dominant; media-actor.